

С.Т. ЗОЛЯН*

СЕМИОТИКА И ПРАГМАСЕМАНТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

Аннотация. Сфера референции политического дискурса (ПД) есть конструкт, генерируемый самим дискурсом. Язык выступает и как инструмент конструирования действительности, и как особый тип социального вербального поведения. Прагматика приобретает исключительную значимость. Однако семантика не утрачивает референциальную силу; она становится межмировым отношением. ПД, претендуя быть описанием «мира таким как он есть», предполагает скрытую референцию к другим модальным контекстам (долженствования, желательности и т.п.). Интерпретации ПД есть некоторая модельная структура (множество возможных миров).

Ключевые слова: политический дискурс; семиотика; прагмасемантика; семантика возможных миров; двоемыслие.

* Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Армении; профессор Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета, профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта; e-mail: surenzolyan@gmail.com

Zolyan Suren, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia); Institute of Advanced Studies, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia), Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); e-mail: surenzolyan@gmail.com

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках армяно-российского совместного научного проекта № 15-РГ 24 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

S.T. Zolyan

The semiotics and pragmasemantics of the political discourse

Abstract. The domain of reference of the political discourse (PD) is a construct, generated by the discourse itself. The language is exploited as an instrument to construct the reality, as well as a special type of verbal behavior. The pragmatics acquired an extraordinary significance. However, the referential semantics of the PD is not diminished but becomes a trans-world relation. PD, pretending to be a description of «the world, such as it is», also obtains a hidden reference to modal contexts (obligation, desirability, etc.), the interpretation of PD is some model structure (set of possible worlds).

Keywords: political discourse; semiotics; pragmasemantics; semantics of possible worlds; doublethink.

1.

В XX в. в лингвистике и философии язык стал рассматриваться не столько как инструмент описания действительности, сколько как механизм и форма ее конструирования. Выяснилось, что соответствующие различным социальным функциям модусы употребления языка приводят к формированию разных типов реальности, точнее, представлений о ней. Некоторые типы реальности могут быть отделены от языка, на котором они описываются, – например, физическая; некоторые существуют только как языковая структура – например, поэтическая. Но во всех случаях очевидно, что: 1) представление о реальности (представление реальности) не существует вне выражающего его языка; и 2) любая реальность получает какой-либо социально значимый смысл и значение только будучи выражена в языковых структурах, вне которых невозможно говорить о смысле какого-либо исторического события или же физического явления.

Аналогичным образом может быть рассмотрена и «политическая реальность» – она, разумеется, не сводима только к языковым правилам, но в принципиальных чертах невыразима без них. Политическая реальность не есть нечто существующее вне языка, на котором она описывается. Проблема «язык и политическая реальность» может быть рассмотрена на трех уровнях.

1. Стилистическом – когда наряду с информацией (описанием ситуации) содержится также и ее оценка; например, сообщение о столкновении двух вооруженных групп может быть представлено

и как нападение экстремистов на силы правопорядка, и как отпор граждан оккупантам.

2. Манипулятивным (или риторическом) – под видом информации навязывается желаемое отправителем сообщения представление о ней. При этом может иметь место как прямая, так и замаскированная дезинформация. Нечто имевшее место в процессе описания трансформируется так, чтобы получатель сообщения воспроизвел совсем иной образ события или же образ иного события. Это, как отмечает Л. Соссюр, особый тип употребления языка, который может быть определен посредством таких прагматических характеристик, как целеполагание, интенции и т.п., которые, в свою очередь, получают свое лингвистическое оформление – в форме количественного преобладания определенных языковых средств, служащих для адекватной реализации целей адресанта [Saussure, 2005, p. 119].

Хорошо изучены языковые средства первого уровня, менее изучены – второго, но в целом, начиная с античных риторик, они учитываются. Оба этих уровня подразумевают наличие некоторой автономной от языка действительности, а роль языка сводится к ее определенной упаковке – адекватной или же преднамеренно или непреднамеренно искажающей. Но существует ли (и если существует, то в каком виде) эта автономная от языка политическая реальность?

3. При любых возможных ответах на эти вопросы требуется постулирование третьего, семантического уровня. Здесь язык выступает и как форма конструирования и интерпретации действительности, и как особый тип социального (речевого) поведения и взаимодействия. Как было отмечено М. Эделманом, «это язык, говорящий о политических событиях и процессах, как их ощущают люди... Политический язык *и есть* политическая реальность; нет никакого другого смысла событий для вовлеченных в него участников и наблюдателей» (курсив М. Эделмана, перевод С.З.) [Edelman, 1985, p. 10].

В самом деле, на семантическом уровне теряется различие между означаемым и означающим: «реальность» (означаемое) оказывается эквивалентной «языку» (означающему). Тем не менее можно задаться вопросом: если «политический язык и есть политическая реальность», то есть ли в таком случае какая-либо реальность, кроме самого языка? Значит ли это, что семантика языка

является саморефлексивной системой и в различных формах отражает и воспроизводит исключительно свои собственные конструкции, не имеющие какой-либо связи с политическими событиями, историей и т.п. (если только допустить существование таковых)?

Разумеется, такой подход был бы крайним упрощением семантики политического дискурса (ПД), хотя и не лишенным определенных оснований. Идея о референциальной пустоте или даже неизбежной неверифицируемости (и даже фатальной лживости) ПД действительно возникает, если мы применяем те же процедуры его семантической оценки, что и к «обычному» высказыванию. Между тем смысл и значение (референция) ПД требует особого подхода – это сложное многоуровневое явление, описание и оценка которого требуют обращения к инструментарию модальной семантики (семантики возможных миров) и прагматики (теории речевых актов и перформативов).

2.

Дискурсом можно назвать такой комплексный объект, который есть взаимопроекция правил языка и правил поведения (социального взаимодействия). В основе такого понимания лежит Витгенштейновское определение «языковой игры»: «"Языковой игрой" я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [Wittgenstein, 1958, p. 5].

Если обратиться к современным лингвистическим теориям дискурса, то при всем разнообразии представленных точек зрения преобладает взгляд на дискурс как на промежуточную область между языком и речью, что создает иллюзию его автономного существования как особого лингвистического объекта. Мы же считаем, что это не отличный от языка объект, а определенный ракурс его описания, при котором фиксируются не-универсальные (или парциальные, или факультативные) и контекстно обусловленные зависимости, а язык предстает как упорядоченное множество – но не самих элементов, а контекстно зависимых необлигаторных моделей их использования. Такое понимание [Золян, 2009] избавляет нас от необходимости строгого (т.е. основанного на облигаторных характеристиках) определения ПД и позволяет ограничиться данным ниже неисчерпывающим определением Т. ван Дейка – как описания

характерных свойств особого употребления языка, используемого в определенных поведенческих моделях (в «политических целях»).

Что касается определения того, что считать политическим дискурсом, то, учитывая многозначность понятий *политический* и *дискурс* (ср: [Ильин, 2002; Dijk, 1997; Wilson, 2001; Fairclough N., Fairclough I., 2015]), это могло стать темой отдельного исследования. Оговорим, что поскольку «дискурс» употребляется в различных науках, то и в этом случае правильнее было бы предусмотреть его в том числе и внутридисциплинарную контекстуализацию, нежели настаивать на его единообразном понимании.

3.

Соотнесенность и неразделимость слова и социального поведения обнажает генетические корни политического действия – это миф, обряд, ритуал. На семантическом уровне действуют особые правила языкового поведения, маскирующиеся под обычное (якобы сообщающее факты), но преследующие иные цели. Это не коммуникация, не описание некоторого состояния дел. «Их целью, – говоря словами К. Поппера [Popper, 2002, p. 21], – является не увеличение знания, а достижение политического успеха», т.е. стимулирование перехода от одного состояния мира к другому. В отличие от обычного референтного высказывания критерием оказывается не истинность / ложность высказывания, а его успешность. В этом отношении политические высказывания, какой бы грамматической формы они ни были, скорее можно уподобить императивам, в случае которых определяющим параметром оказывается не их соответствие действительности, а успешность, уместность или эффективность. Так, параметром, по которому оценивается приказ «Выйди вон», будет не само это высказывание, а его результат – вышел ли адресат из помещения, и насколько это действие соответствует ситуации. Но и сам императив (например, приказ) является действием, определенной моделью поведения, которая одновременно и реализуется в речи, и описывается речью. Оценка высказывания перерастает в оценку поведения: имеет ли говорящий право выставить собеседника за дверь, насколько это правомерно или целесообразно, наконец, насколько это соответствует правовым или принятым нормам.

Истинностная оценка высказывания оказывается либо невозможной – в случае «чистых» императивов, либо нерелевантной – в случае косвенных. Так, например, прозвучавший по радио зашифрованный приказ генерала Франко начать мятеж («*Над всей Испанией безоблачное небо*») может быть оценен и интерпретирован по-разному, но наименее уместной была бы его «метеорологическая» интерпретация – было или нет безоблачным небо над Испанией 18 июля 1936 г.

4.

Теория ПД не может быть сведена к референциальной семантике, когда определяющим оказывается соответствие / несоответствие языковых выражений действительности, – будь то теории смысла и значения или же истинности и референции; она должна быть дополнена обусловленными правилами данной языковой игры прагматическими теориями, описывающими функциональные, операциональные и контекстуальные аспекты семантики ПД. ПД не исчерпывается характеристиками того, «*что сказано*», – обязательно должно быть учтено и кем, где, когда и как. Это – Речь как действие (а не просто описание действия), смыслом и значением этого действия станут не столько смысл и значение сказанных слов, сколько имевшие место последствия сказанного.

В принятых в современной логике и лингвистике терминах следует говорить о силе высказывания, точнее, о как минимум трех различных семантических и прагматических *силах* и плоскостях политического дискурса, рассматриваемого как речевой акт: 1) что выражает высказывание само по себе, т.е. его собственно языковая и семантическая составляющая; 2) какое воздействие на аудиторию намеревается оказать этим высказыванием отправитель сообщения. И наконец, 3) какое воздействие оказывает данное высказывание на слушающего.

В случае ПД эти факторы часто (хотя и не всегда) формализованы в виде обязательных процедур, условий говорения. Уже только поэтому теория речевых актов должна быть дополнена теорией перформативов, когда должны получить эксплицитное описание обязательные для успешного осуществления действия / коммуникации параметры коммуникативного контекста, так назы-

ваемые удачные условия перформативного акта. Однако, в отличие от «чистых» перформативов, с одной стороны, ПД не всегда может быть формализован как некоторая требуемая процедура. С другой стороны, будучи императивом по своим целям и интенциям («Делай то-то»), он может маскироваться под индикативное («Нормальные люди голосуют за Х») или сослагательное наклонение («Ах, если бы вы проголосовали за Х...»).

Например, объявление войны не просто есть речевой акт, описывающий некоторое политическое действие «*объявление войны*», а само является политическим действием *объявления войны*. Это предполагает определенную процедуру (как правило, глава государства обращается с подобным предложением к парламенту). Но к тем же последствиям могут привести и действия или речевые акты, которые не формализованы как «объявление войны» (провокационные политические заявления, мобилизация, нагнетание напряженности на границе и т.д.). Очевидно, что объявление войны не только описывает политическое действие, но и само является таковым. Без подобного речевого акта военные действия, даже если и происходят, не должны рассматриваться как «война». Но если подобный речевой акт был совершен и не был отменен, то считается, что соответствующие стороны находятся в состоянии войны, вне зависимости от того, происходят или нет боевые действия. Ср., с одной стороны, расхожее выражение «необъявленная война» (или «самая настоящая война», «гибридная война»), когда идут боевые действия без формального объявления войны, а с другой – выражение «странная война». Во втором случае отсутствие боевых действий не отменяет ситуации войны, а лишь переносит ее в подкласс «необычных, странных» войн¹.

Требование соблюдения «удачных» условий, наличия формализованных или неформальных процедур распространяется и на высказывания, грамматически не являющиеся перформативами. Семантика высказывания, его истинность / ложность определяются не его соответствием реальности, а тем, насколько порождение и оценка этого высказывания соответствуют принятой процедуре. Если высказывание не соответствует этим условиям, оно, даже обладая лингвистическим смыслом и значением, окажется бес-

¹ Не случайно благородная цель избавить человечество от войн привела к... табуированию слова «*война*» в политико-правовых практиках [Lotman, 2016].

смысленным или в лучшем случае незначимым (нерелевантным, не имеющим каких-либо последствий). Определяющим фактором становится необходимость соблюдения ритуала (процедуры) – так, решение парламента действительно, если оно было принято в соответствии с предписанной в регламенте процедурой. Но то же самое высказывание не будет считаться действительным, если, скажем, было сделано вне установленного места и в неустановленное время. Перефразируя Альфреда Тарского [Tarski, 1944]: применительно к ПД семантическое правило «*Высказывание “снег белый” истинно если и только если снег белый*» должно быть дополнено указанием на то, были ли соблюдены требуемые условия: *Высказывание «Снег белый» истинно, если в соответствии с определенной процедурой в определенном месте и в определенное время требуемое большинство присутствующих утверждают, что «Снег белый» – истинное высказывание.*

Станет ли снег черным, если за то, чтобы считать истинным высказывание «*Снег черный*», проголосуют более 50% имеющих права голоса? Разумеется, нет. Но высказывание «*Снег черный*» приобретет статус нормативного¹, в том числе и для несогласного с ним меньшинства. Как видим, семантический критерий не исчезает, но он оказывается дополненным определенными процедурными требованиями и теряет объективный характер: истинность / ложность перестают быть объективным отношением между пропозицией и миром, а становятся субъективным вердиктом или суж-

¹ Применительно к ПД нормативное высказывание можно определить как такое, которое включает в качестве модальной рамки утверждение о собственной истинности. Поэтому его истинностное значение должно оцениваться относительно данной рамки. Так, «Снег белый» – истинное высказывание, если и только если снег белый. Но истинным высказыванием будет и такое, как «*Парламент страны N считает, что “Снег черный” – истинное высказывание*», если и только если парламент страны N считает, что «Снег черный» – истинное высказывание. При опущении модально-контекстной рамки как якобы тавтологичной («Если парламент / суд / министр... считают, что “X” истинно, – значит X») создается иллюзия самоочевидности, поскольку, когда опущено указание на говорящего, утверждение об истинности акта высказывания неким субъектом («Истинно то, что парламент страны N постановил считать, что “Снег черный”») – истинное высказывание) подменяется утверждением данного положения дел («Снег черный»). Устанавливаемая посредством подобной пропозициональной эквилибристики норма и есть иллюзия, или суррогат истины (истинности).

дением. Тем не менее предполагается определенная процедура верификации (в данном случае – голосование), и при соблюдении определенных условий подобные высказывания претендуют на признание в качестве объективной истины: «*Vox populi – vox Dei*». (Видимо, предполагается, что утверждение, за которое проголосовали менее 50%, – это голос дьявола.)

Столь важная, если не определяющая роль прагматических факторов может создать иллюзию того, что ПД и, соответственно, язык в политической функции – это язык, имеющий только прагматику, но не референтную семантику¹, и высказывание характеризуется его силой (интенцией говорящего – воздействием на слушающего) и перформативной успешностью. Отсюда нередок взгляд на язык как на орудие пропаганды, а вовсе не как на инструмент описания действительности. Если реальность (референтный аспект дискурса) и присутствует, то только в искаженном виде, и язык выступает как инструмент не столько описания, сколько искажения действительности.

5.

Идея о том, что высказывания ПД лишены референциального измерения, находит отражение в расхожем мнении, что политики – лгуны. Подобное отношение к политикам и их языку выразил Джордж Оруэлл: «Политический язык – и это относится ко всем политическим партиям, от консерваторов до анархистов, – предназначен для того, чтобы ложь выглядела правдой, убийство – достойным делом, а пустословие звучало солидно» [Оруэлл, 2003 а, с. 356].

Подобное представление исходит из предпосылки, что есть некоторая неприглядная или по каким-либо причинам «нежелательная» реальность, а то, что говорят политики, не просто не соответствует этой реальности, но имеет целью скрыть ее. В свое время великий Платон назвал поэтов лжецами и «подражателями призракам» и предлагал изгнать их из государства. Впрочем, Пла-

¹ Ср.: «Общественное предназначение ПД состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков, 2002, с. 38].

тон сделал примечательную оговорку: некоторые «лживые» тексты тем не менее можно разрешить, если они служат некой «правильной» цели¹. Изгоняя поэтов из идеального государства, Платон делает исключение для их «конкурентов» – мудрых и справедливых политиков. Как видим, поэтов следует изгнать не за то, что они «лжецы», а потому, что их «ложь» расходится с государственной. Только правители-философы имеют монополию на мифотворчество: «Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать... Если правитель уличит во лжи какого-нибудь гражданина, он подвергнет его наказанию за то, что тот вводит губительный обычай, переворачивающий государство, как корабль» [Платон, 1994, с. 152].

Как видим, уже у Платона эксплицитно выражена мысль о том, что политическая целесообразность (действия «для пользы своего государства»), а не истинность оказывается критерием приемлемости высказывания. Видимо, политическая целесообразность – это и есть основная характеристика ПД в целом. Язык в политической функции может обладать различными лингвистическими и семиотическими характеристиками, но прежде всего это некоторое прагматическое отношение между текстом и властью: «Когда речь идет об оказании какого-либо воздействия на сферу власти, можно говорить о политической функции языка» [Ласвелл, 2006, с. 269]. Любой текст может быть использован в политической функции, если оказывается так или иначе соотношенным с властью (например, Лермонтовское «На смерть поэта»), и перестает ее выполнять, потеряв подобную связь (например, речи Цицерона стали образцами художественной прозы). Именно подобные совпадения показывают принципиальную разницу между поэтическим и политическим вымыслом. В.И. Ленин выписал из Л. Фейербаха: «...искусство не требует признания его произведений за действительность» [Ленин, 1969, с. 53]. Продолжим: политика, напротив, настаивает, что ее «произведения» и есть действительность. Соответственно, в политическом дискурсе

¹ «Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим, если же нет – отвергнем» [Платон, 1994, с. 139].

сам дискурс (не обязательно вымысел, но и не обязательно и «действительность») занимает место действительности.

Поэтому, хотя мнение о том, что политики – лгуны, и может быть доказано многочисленными фактами, тем не менее «лживость» не может рассматриваться как важнейшая семантическая характеристика ПД. Подобный подход упрощает дело: тогда бы политикам просто никто не верил, их ложь не воспринималась бы всерьез, и тем самым их дискурс был бы обречен на коммуникативную и политическую неудачу. При этом не составляло бы труда определить, какому состоянию дел соответствует то или иное высказывание, – требовалось бы умение понимать высказывание в соответствии с теми же языковыми правилами, но определять его истинностное значение с точностью до наоборот¹.

6.

Как и в любом из дискурсов, в политическом могут встречаться как истинные, так и ложные высказывания. Если применять стандартные процедуры семантической оценки, то, как и в случае поэтических высказываний, будет проигнорирован их модальный характер, а сами они будут признаны не соответствующими действительности. Однако если учитывать модальные отношения, то сам по себе конструируемый характер референции и его несоответствие действительности («вымысел») не обязательно влекут ложность соответствующего высказывания. Применительно к поэтическим высказываниям, как было показано еще Аристотелем, речь идет о различающихся в модальном отношении описаниях мира: «Историк говорит о действительно случившемся, а поэт – о том, что могло случиться в силу возможности или необходимости» [Аристотель, 1957, с. 67].

Аналогичный подход следует применить и к ПД, положив в его основу некоторые ключевые положения модальной семантики (семантики возможных миров). Однако если применительно к по-

¹ Так, в детской повести Дж. Родари «Джельсомино в стране лжецов» описывается страна, где запрещено говорить правду. Однако это не мешает ее жителям адекватно интерпретировать новости, которые они узнают из газеты «Образцовый лжец».

этическому языку такие описания можно считать достаточно укорененными, то применительно к ПД идеи модальной семантики до сих пор остаются без применения, хотя попытки их применения в достаточной мере показали свою эффективность [ср.: Золян, 1994; 1996; 2012; Zolyan, 2015]. В связи с этим, несколько отвлекаясь от основной проблематики, приведем основные понятия формальной семантики возможных миров. Мы основываемся на ставшей классической логико-семантической экспликации С. Крипке – как модально-стратифицированной области интерпретации, когда языковое выражение интерпретируется относительно различных моделей (возможных миров) [Крипке, 1981, с. 28–29].

Модельная структура – это множество связанных некоторыми отношениями достижимости миров, или – что то же самое – некоторый мир и заданные в нем отношения модально-семантического «перехода» к другим мирам. Из некоторого универсума возможных миров выбираются входящий в это множество некоторый «отмеченный мир» (мир текста?)¹ и множество достижимых из него миров. Подобная структура может рассматриваться как формальная структура политического дискурса. Как и язык, одни и те же механизмы могут обслуживать различные идеологии и политические дискурсивные практики². Различия между разными типами

¹ С. Крипке употребляет термин «реальный» (хотя и в кавычках), чаще используют термин «актуальный». Это, видимо, оправданно для большинства текстов. Однако далеко не для всех – и не только художественных, но и для юридических, политических, исторических и др., применительно к которым мы предпочитаем менее обязывающий термин – не «реальный», а «отмеченный» по тем или иным причинам мир, относительно которого определена система межмировых отношений. В случае дополнительных уточнений перспективным представляется использование разрабатываемого Д. Чалмерсом, Д. Льюизом, Р. Сталнакером и Д. Капланом в русле двумерной семантики (2D semantics) понятия «центрированного мира» (centered worlds) – мира, референция к которому ориентирована относительно говорящего в момент высказывания. Что касается понятия «актуального мира», то, применительно к дискурсу, вслед за Д. Льюизом целесообразно принять его «индексальное» понимание: актуальный отличается от других не физической природой, а тем, что он определяется такими координатами коммуникативного акта, как «я», «здесь», «сейчас» [Lewis, 1979].

² Ср.: «...русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества» [Сталин, 1950, с. 6].

ПД («демократический», «авторитарный», «левый», «буржуазный» и т.п.) будут относиться уже к содержательной интерпретации и перформативной легитимизации тех или иных миров – что считать реальностью, что считать достижимостью и что желательным, предпочтительным или же долженствующим (подобный содержательный анализ возможных миров и модальных отношений между ними был предпринят нами в: [Золян, 2012]). Семантическая оценка высказывания происходит внутри данной системы. Эти системы миров определяют, что в них принимается как существующее, и легитимизируют некоторые из областей референции как объективную социальную или институциональную реальность (в смысле Дж. Серла [Searle, 1995], но уместно вспомнить и аналогичные идеи не упоминаемых им Т. Бергера и П. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995]). Соответственно, противоречащие им описания дел («неправильные возможные миры») отрицаются как недолжные (лживые, «клеветнические», подлежащие исправлению). Все это множество миров (модельная структура) может быть рассмотрено как определенная парадигма, характеризующая некоторого агента политического действия, он же – автор некоторого ПД. Безусловно, какие миры в данной парадигме будут считаться должными или недолжными, какие возможны изменения внутри данной парадигмы и тому подобные вопросы могут быть определены только при анализе конкретных политических и идеологических реалий. Однако можно указать и на общесемиотические характеристики, позволяющие рассматривать создания подобных парадигм как исчисление возможностей некоей знаковой системы.

Конструируемые ПД возможные миры можно понимать и как описания альтернатив, и как альтернативные описания. Это – частное проявление общей зависимости между тем, что возможно, и тем, что может быть выражено посредством некоторого описания. В «нашем» мире возможные миры – иногда определяемые и как полное описания состояния дел – могут быть репрезентированы как формируемые на основе языковых правил тексты: «Все, что мы видим, может быть также другим. Все, что мы можем вообще описать, может также быть другим. Нет никакого априорного порядка вещей. То, что может быть описано, может и случиться» [Витгенштейн, 1958]. В тех случаях, когда область референции (интерпретации) оказывается формируемой средствами самого языка (как то имеет место в случае ПД), конструирование множе-

ства возможных миров может определяться не как рассмотрение альтернатив актуальному миру, а как реализация возможных состояний описывающей мир знаковой системы, т.е. порождение множества текстов или всего того, «что может быть описано». Как было отмечено М. Кресвеллом, «лингвистическая способность и понятие возможных миров внутренне связаны. Возможно, что способность, которая заставила человека выдумать язык, есть способность воспроизводить ситуации, которые не являются актуально представленными перед ним. Поскольку человек может воспроизвести мир таким, как он есть, он может воспроизвести и мир, каким он мог быть, хотя и не является... Язык является управляемым правилами средством “заложить” в сознание другого репрезентацию того же самого множества возможных миров, которое содержится в сознании говорящего» [Creswell, 1978, p. 13, 26].

Безусловно, речь должна идти не только о текстах на естественном языке, но и о других знаковых системах. В случае политической коммуникации невербальные и индексальные средства (кинематограф, фотомонтаж, плакаты-агитки, монументы и т.п.) могут оказаться эффективнее. Особенно наглядно это проявляется в случае политической картографии – желательные и нежелательные положения дел в прошлом, настоящем и будущем получают свое воплощение в форме претендующего быть объективной «картиной мира» изображения (подсказано И. Фоминым).

7.

В пользу рассмотрения ПД как модального свидетельствует и то, что общество, даже если и считает политиков лгунами, тем не менее проводит определенные различия как между ними, так и между продуцируемыми ими дискурсами. По крайней мере, не все дискурсы являются «равнонеприемлемыми». На практике существуют определенные критерии, позволяющие проводить разграничение между политиками, отделять «правдивые и ответственные» дискурсы от «лживых и безответственных» и т.д. Следовательно, имеются некоторые нестандартные процедуры референциальной идентификации и семантической оценки высказываний. Сложная система прагматических, процедурных, референциальных и модальных «сдержек и противовесов» создает своеобразную динамику

ческую (или, проще, – нестабильную) контекстно-зависимую и неоднозначную семантику ПД, что придает ему дополнительные семантические возможности и компенсирует возможный референциальный вакуум и нерелевантность критериев определения истинностного значения.

Модальный механизм семантизации языковых единиц предполагает, что семантика знака и дискурса характеризуется множественной референцией, а также что существуют межмировые отношения. Сама по себе множественная референция, интерпретация применительно к различным возможным мирам – это общая характеристика языкового знака и текста, но которая по-разному проявляется в различных типах дискурсов. Соответственно, модельная структура Крипке может рассматриваться как базовая формально-семантическая система любого текста безотносительно к типам дискурса [Золян, 2013]. Применительно к тому или иному типу дискурса эта базовая система конкретизируется в зависимости от задаваемых внутри нее отношений. Специфична не сама ситуация референции текста к различным мирам и вытекающая из этого многозначность (многомерность) языковых выражений, а задаваемые отношения между мирами. Поскольку языковые высказывания характеризуются определенной модальностью, то при соответствующих условиях они могут предполагать также и одновременную соотнесенность с различными мирами. Например, такие обычные высказывания, как *«если будет дождь, надень плащ»* или *«я мог быть сейчас не здесь»*, *«Москва – столица СССР»* и т.п., предполагают некоторую систему как минимум из двух миров. В этих случаях имеет место рассогласование между миром, в котором эти высказывания произносятся, и миром, который они описывают, и истинность / ложность приведенных высказываний определяется отношением между этими мирами. Но при этом актуальный и возможный мир отграничены друг от друга и не взаимозаменяемы. Обратная ситуация наблюдается в случае политического дискурса. В этом случае дискурс, данный как описание *«мира как он есть»*, предполагает скрытую установку на контекст – *«мир (в будущем), каким он должен быть»*, и поэтому его адекватная интерпретация предполагает в качестве области референции как минимум оба мира (оговариваем – как минимум, поскольку явно или неявно в дискурс вовлекаются и другие интенциональные миры – миры дискурсов, которые отвергаются как недолжные, «нере-

альные», и, напротив, миры, принимаемые как эталонные, правдоподобные и т.п.). Здесь проявляется и в то же время затушевывается различие между дескриптивными, описывающими, и прескриптивными, предписывающими дискурсами¹ – в одном случае слова приспособляются к миру, в другом – мир приспособляется к словам, хотя возможны случаи, когда оба дискурса основываются на одном и том же тексте².

8.

Возможное использование аппарата модальной семантики для описания взаимодействия различных по своим модальностям и онтологии миров применительно к ПД можно проиллюстрировать на примере пусть и вымышленном, но признанном как классический образец – это роман Дж. Оруэлла «1984». Сам роман может быть рассмотрен как своеобразная модельная структура, в которой различные модальные области интерпретации и референции (миры, модели) оказываются взаимосвязаны различными отношениями достижимости и, наслаиваясь друг на друга, создают сложную семантическую систему.

¹ На совмещенность прескриптивного и дескриптивного толкований и проистекающую из этого двусмысленность как на важнейшую характеристику политического языка указывал Гарольд Лассвелл: «Политическая формула носит одновременно прескриптивный и дескриптивный характер – ее характерной чертой является двойное толкование в соответствии с общепринятыми нормами... Она прескриптивна, т. к. предполагает соответствие определенной спецификации и содержит в себе символы, нацеленные на аргументированное оправдание или осуждение данных политических практик. Но ее также можно назвать дескриптивной, поскольку, действительно, в определенной степени в ней присутствует соответствие предъявляемым требованиям, и, предположительно, в том, что данная формула принимается большинством людей как корректно описывающая модели и практики власти» [Лассвелл, 2006, с. 273–274].

² Приведем пример Дж. Серля: покупатель в магазине кладет в корзинку продукты в соответствии с данным ему списком, а наблюдающий за ним детектив составляет список продуктов, который берет покупатель. В конце эти два списка совпадут, хотя сохранится их функциональное различие: «Список сыщика характеризуется направлением приспособления “слова к миру” (как в случае констатации, описаний, утверждений и объяснений); список же покупателя обладает направлением приспособления “мира к словам” (как в случае требований, приказаний, клятв, обещаний)» [Серль, 1986, с. 172].

В нашем реальном мире Оруэлл сконструировал вымышленный мир, который нам надлежит принять за реально существующий и в котором вымышленные персонажи создают еще и третий мир, который мы должны воспринимать как ложный, сфабрикованный функционерами партии. При этом сам роман «1984» претендует на то, чтобы описывать и «подлинную историю» (то, что якобы происходило в Океании), и – именно как часть подлинной истории – те дискурсы, которые обитателям вымышленного мира романа навязываются как подлинная история. В отдельности ни один из этих миров не представляет интереса – областью референции, с которой мы соотносим роман, является не один мир, а их система. Сфабрикованная и вымышленная Оруэллом реальность (жизнь в 1984 г.) претендует на то, чтобы восприниматься как описание того, что было на самом деле. В эту «реальность» включены те вербальные и ментальные конструкции, которые выдаются партией за действительность и за историю. В свою очередь, роман Оруэлла – и как письменный текст, и как художественный объект – существует в нашем реальном мире именно как образец вымысла, а вовсе не как документальное изложение того, что произошло (или могло произойти) в 1984 г. Оставляя вне рассмотрения все промежуточные миры (например, миры критиков, описывающих роман, миры истории Англии, как она дана в романе, несовпадающие миры персонажей романа и т.п.) и огрубляя общую картину, можно считать, что семантику романа образует не один изолированный мир, а *соотношение* трех основных миров («реальностей»): 1) нашего реального мира, в котором живем мы и жил Оруэлл; 2) мира персонажей, которые живут в мире романа, который есть окружающая их «реальность»; 3) навязанной персонажам картины мира, которую они обязаны считать «истинной реальностью». При этом картину мира правителей Океании также можно описать как модельную структуру. Она состоит как минимум из трех миров: 1) Океания в прошлом; 2) Океания в декларируемом официозом настоящем – это Океания в описаниях Министерства правды; 3) Океания-как-она-есть – Океания в документах внутренней Партии и в описаниях Министерства любви. Согласно роману, деонтическая модальность (долженствующее быть положение вещей, как оно описывается официозом), хотя и претендует занять место единственной допустимой модальности и существующей реальности, но сама по себе она возможна только в противопоставлении как недолжному

состоянию дел (Океания до революции), так и имеющему место в реальности (для описания состояния дел в этом государстве слежка всех за всеми становится необходимостью). Понимание романа основывается на установлении соответствий между мирами и на интерпретации одного мира средствами другого. Например, путем «переноса» в наш мир существующих в Океании Министерства правды и Министерства любви, именуя подобным образом действующие «у нас» в мире реальные институты. И наоборот: прослеживая, как реалии «нашего» мира переносятся в мир романа. Возможно также проследить путь Троцкого, который в Океании преобразуется в Голдштейна, или увидеть усы Сталина на портретах Большого брата.

«1984» может служить примером того, как с помощью одних и тех же языковых выражений описываются одновременно и то, что полагается имеющим место, и то, что полагается не соответствующим действительности: описание того, чего не было, доказывает принципиальную возможность описать и то, что было (вновь вспомним Витгенштейна: «То, что может быть описано, может и случиться» [Витгенштейн, 1958]). Различие между описанием существующего и несуществующего не зависит от языка. Поэтому для тоталитарных практик характерно не столько создание новых языков, сколько запрещение смыслов (хотя запрету может подлежать не только план содержания, но даже язык в целом: незаконным объявляется сам факт использования «языка, запрещенного законом»¹). При переходе от мира к миру изменяются не столько единицы и структуры языка, сколько модальности текста. Разница между политическим языком и «обычным» – не в языковых средствах (поэтому вовсе не требуется придумывать «новояз», множество «новоязов» заключено в самом естественном языке, «староязе»), а в изменении правил интерпретации (референции). В отличие от романа Оруэлла, уловка адресантов ПД заключается именно в том, что они используют «обычный язык» в расчете на то, что адресат текста не заметит, что семантика текста, маскируясь под «якобы обычное» словоупотребление, предполагает отличные правила интерпретации². Как правило, для того чтобы описать этот лингвис-

¹ Это выражение содержалось в Конституции Турции 1982 г., ст. 26 и 28.

² В качестве примера приведем предложенную Ноамом Хомским экспликацию подобной «двойной» интерпретации («нормальной» и «пропагандистской»)

тический трюк, «лексикографическое» толкование оказывается недостаточным; здесь требуются более тонкие механизмы модальной семантики. Например, в романе Оруэлла имя собственное «Лондон» обозначает различные объекты как минимум в нескольких несовпадающих мирах (областях референции) – «нашем» мире, мире автора, персонажей и читателей романа. Это: «реальный» Лондон; Лондон, существовавший в прошлом и восстанавливаемый в памяти героем романа; Лондон романа «1984». Семантикой этого имени в романе будет множество всех этих объектов. Нельзя ни отрицать связь между «реальным» Лондоном и описанным в романе «главным городом Первой взлетной полосы Океании», ни отождествлять их. Высказывание «Лондон – главный город Первой взлетной полосы Океании», истинное в мире романа, имеет особую семантику и в нашем мире, одновременно и отсылая к Оруэлловскому роману, и пародийно эксплицируя, чем мог бы быть современный Лондон при ином течении событий.

Как видим, семантика рассматриваемого нами как модель ПД романа основана на множественной референции к заданным стратифицированным областям референции и установлении межмировых отношений между различными означаемыми одних и тех же означающих текста. Модальная семантика не просто устанавливает соответствие или несоответствие между высказыванием и действительностью, но оперирует системой альтернативных миров, в которых одно и то же положение дел может получать различную модальную оценку (например, истинные в одном из миров пропозиции в других будут оценены как возможные, должные или не должные и т.п.). Различные события могут происходить одновременно, но в модально различающихся мирах: например, в одном из миров Голдстейн является одним из главных героев революции и

словосочетания *rogue state*: «В политическом дискурсе чуть ли не каждый термин имеет как буквальный смысл, так и его пропагандистскую версию... Пропагандистская версия, как правило, превалирует; она представлена теми, кто имеет власть над дискурсом... В случае использования Соединенными Штатами термин “изгой” относится ко всем тем, кто вне их контроля. Так, Куба – это “государство-изгой”, поскольку не подчиняется господству США. В моем употреблении этого термина в мире главным “изгоем” являются Соединенные Штаты. И это нейтральное употребление», поскольку под нейтральным значением, по Хомскому, следует понимать «государство, которое игнорирует международное право, не соблюдает основополагающие договора и конвенции, решения Международного суда» [Chomsky 2001]. – *Перевод* С. 3.

основателей партии, в то время как в других мирах он всегда был врагом партии, а в некоторых он никогда не существовал, но был сфабрикован правителями Океании – подобно своему прототипу Льву Троцкому, который, согласно некоторым «историям», играл видную роль в гражданской войне, но не упоминается в других свидетельствах. В результате может возникать причудливая картина различных «истин», дискурсов, которые претендуют на то, чтобы служить описанием того, «как было на самом деле», в противовес «неправильному», хотя, возможно, и принятому в качестве «нормативного» дискурсу. Таким образом, речь идет о взаимодействии различных модальных семантик, а не о примитивной фальсификации.

Сказанное позволяет вновь вернуться к высказанной ранее мысли о том, что ПД по принципам формально-семантической организации оказывается сходным с поэтическим. Но именно подобная формализация позволяет увидеть отличие, заключающееся в том, что внутри модельной структуры задаются различные отношения. В качестве отмеченного («реального») мира в обоих случаях выступают конструируемые миры, которые могут совпадать или не совпадать с реальным. Но в случае поэтического дискурса даже реальный мир выступает как вымышленный, а в политическом – вымышленный (конструируемый) претендует на то, чтобы восприниматься как реальный. Так, истинность высказывания «Онегин убил на дуэли друга» будет оцениваться исключительно в мирах романа «Евгений Онегин», тогда как высказывание «Троцкий – герой гражданской войны» (или же «Троцкий – белогвардейский агент») претендует на то, чтобы считаться истинным не относительно тех или иных нарративов, а именно в актуальном мире.

При этом следует учесть, что ПД – это своего рода семиотический хамелеон. Если не считать особых жанров, когда официальный характер текста или механизмы принуждения должны быть выражены в специальных знаках, то он стремится уйти от особых меток и, напротив, присвоить «чужое»¹. Однако семантический «хамелеонизм» ПД может носить еще более глубинный характер, нежели использование маркеров неполитических жанров: в зависимости от политических реалий могут смещаться параметры, по

¹ В качестве образца подобной мимикрии можно привести помещенную в этом же номере журнала статью Ж.Р. Сладкевич о новогодних обращениях президентов.

которым можно определить, какой из миров в данной системе выступает как актуальный и, соответственно, какие из возможных миров должны быть оценены как желательные, долженствующие и т.п. (ср. описание с этих позиций Карабахского конфликта в: [Золян, 1994; 2012]). Это может приводить как к ситуации «единения», когда один и тот же текст прочитывается по-разному, но воспринимается как «свой» различными адресатами (ср. с использованием сакральных текстов в политических целях), так и, наоборот, к ситуации конфликта, когда происходит семантический перехват одного и того же текста различными конкурирующими группами (ср. с ситуацией с Конституцией СССР – она использовалась как властью, так и диссидентскими группами против самой власти).

9.

Особенностью ПД является не ложь (несоответствие действительности), а множественная референция, одновременная интерпретация высказывания как минимум в двух мирах. Целеполагание и целесообразность становятся модальностью, т.е. семантической характеристикой, определяющей межмировые отношения. При этом данное различие в модальностях может быть фиксировано посредством определенных семиотических процедур интерпретации, позволяющих разграничивать эти модальности и соответствующие им области референции (миры). С особой наглядностью это проявляется в случае описывающих нормы поведения деонтических текстов (кодексов, регламентов, уставов и т.п.) – долженствующее состояние дел имплицитно противопоставляется, но не смешивается с тем, что имеет место. Так, статьи конституции какого-либо государства не становятся ложными, если они не всегда выполняются: их цель – не описание «имеющего быть», а соотношение «имеющего быть» с «долженствующим». Однако лингвистическая форма этих статей – это индикатив, описание имеющегося состояния дел.

Например, ст. 8 Конституции Армении утверждает: «*В Республике Армения гарантируются свобода экономической деятельности и свободная экономическая конкуренция*». Разумеется, здесь соотнесены между собой две различные реальности, две области референции, два мира. Первый из них – это Республика-Армения-

как-она-есть, с ее сверхмонополизированной экономикой, вторая – Республика Армения как некоторый лингвистико-правовой конструкт. По терминологии Джона Серля [Searle, 1995], Республика Армения принадлежит к институциональным объектам (фактам), которые, в отличие от физических, создаются знаковыми средствами (правилами, перформативами) и не могут существовать вне выражающей их знаковой системы (формально знаки этого языка могут совпадать со знаками естественного языка – см. ниже). Так, если свойство «быть шатеном» может быть сведено к некоторому набору характеристик, независимых от его языкового выражения, то свойство «быть гражданином Армении» может быть определено только посредством некоторых текстов и процедур.

Однако утверждение, что вышеприведенное высказывание не имеет отношения к реальности, приводит к абсурду – это то же, что и утверждать, что имя собственное «*Республика Армения*» не имеет отношения к Республике Армения. Столь же непонятным будет и утверждение, что это ложное высказывание, – статьи конституции могут не выполняться на практике, но они не могут быть ложными, именно потому что являются статьями конституции (их «ложность» или «недействительность», как было отмечено выше, явится следствием уже других факторов – скажем, несоблюдения процедуры их принятия, например как результат признания факта фальсификации результатов голосования). Это вновь приводит к той мысли, что рассматриваемые как ПД статьи конституции уподобляются перформативам, – это обязательство (т.е. обещание государства, которое оно может и не выполнять, но которое от этого не перестает быть обязательством, – как и в случае с ложной клятвой, которая тем не менее остается клятвой). При этом место говорящего, того, кто берет на себя обязательство, занимает неодушевленный адресант, тем самым порождая еще одну лингвистическую фикцию: государство (или какой-либо иной политический институт) выступает не только как институциональный факт, но и как субъект речевого акта, что также можно считать характерным проявлением языка в политической функции¹. Соответственно, вся

¹ Напомним, что Роман Якобсон, предлагая классическую систему шести функций языка, предусматривал возможность появления новых путем совмещения как самих базисных функций, так и критериев их выделения. В качестве примера он приводил магическую: «Из этой триады функций можно легко вывести некоторые добавочные функции. Так, магическая, заклинательная функция – это

семантическая система (модельная структура) становится ориентированной не на мир – контекст некоторого конкретного говорящего, а на определенный лингвополитический конструкт, создаваемый данным институтом – субъектом речевого акта. Сами по себе вне контекста высказывания «*В Республике Армения гарантируется свобода экономической деятельности*» или «*Неверно, что в Республике Армения гарантируется свобода экономической деятельности*», не противоречат друг другу, поскольку неясно, что понимать под Республикой Арменией. Взятые изолированно (как в нашей статье), они не могут быть рассмотрены как высказывания политического дискурса. Только в конкретном тексте будет возможно определить их референцию – к какой системе миров они относятся и какой мир в данной системе рассматривается как актуальный. Эти высказывания могут быть отнесены к ПД, если, по Лассвеллу, будут затрагивать систему властных отношений в Армении, упрочивая позиции правящего режима или же противостоя ему. Если же эти высказывания встретятся в экономическом обзоре или в диссертации по конституционному праву, то они перестают относиться к ПД и должны оцениваться уже по иным основаниям. Задаваемая текстом институциональная реальность может быть рассмотрена как тот предел, к которому стремится область референции ПД, «очищенная» от физических реалий (что Серл, в противоположность институциональным, называет «грубыми» фактами). Так, Армения и ее жители превращаются в Республику Армению, ее граждан и резидентов – т.е. в некоторый конструкт, определяемый прескриптивными текстами, которые под видом дескриптивных описывают ту самую реальность, которую сами же

как бы превращение отсутствующего или неодоушевленного “третьего лица” в адресата сообщения» [Якобсон, 1974, с. 200]. Можно продолжить и рассмотреть как пример совмещенной функции «превращение отсутствующего или неодоушевленного третьего лица» не только в адресата, но и в отправителя сообщения [Золян, 1999]. Так выражают себя власть и ее институты: «Мы, народ», «Мы, Объединенные Нации». В подобных выражениях установкой является именно деперсонификация реальных адресантов, лиц – носителей власти, власть стремится выразить себя в квазиодоушевленном субъекте. На эту функцию может настраиваться функция уже третьего порядка – узурпирующая, когда одушевленный адресант говорит от лица неодоушевленного Левиафана (народа, государства): «Наш народ не потерпит» значит «Я, имярек, не потерплю». Связь политического действия и ритуала проявляется как возможность трансформации магической функции в левиафановскую.

и создают. Реальный человек заменяется знаком самого себя: паспортом.

10.

Как было сказано (раздел 8), семантизация ПД основывается на модально стратифицированной области интерпретации текста и межмировой соотнесенности, устанавливаемой между означаемыми его языковыми выражениями. При этом конструируемый характер референции приводит к тому, что меняется ряд семиотических характеристик языка. Но это изменение вовсе не требует создания особого языка («новояза»). Изменение происходит не на уровне собственно языковых средств (означающих), а на уровне вторичных моделирующих систем, т.е. на надстраиваемых над языком уровнях интерпретации языковых выражений. Означающие остаются теми же, создавая иллюзию того, что знак отсылает к тому же самому объекту, тогда как он имплицитно соотносит различные объекты из различных миров (например, Республика Армения как страна и как конструкт, создаваемый правовыми актами). Возникает метафорическое отношение: один мир интерпретируется посредством объектов или знаков другого, почему и предполагающий двойную референцию механизм близок к метафоре, когда необходимо одновременное восприятие буквального и переносного смысла¹. Но в отличие от поэтического языка метафора заменяется метонимией: отношение подобия «одно как другое» заменяется отношением «одно вместо другого», конструкт претендует на роль исходного («буквального») референта.

¹ Например, выражение «солнце смеется» осмысливается как метафора, только если соотнесены две области референции: одна, игнорирующая реальный мир, в котором солнце – одушевленное существо и может смеяться, и вторая область – реальный мир, относительно которого данное выражение синонимично смыслу выражения «стоит солнечная погода» [Dijk, 1975]. Вне этой двойной соотнесенности метафорическое выражение либо оказывается бессмысленным, либо утрачивает метафоричность, становясь так называемой мертвой метафорой («железное здоровье»). В политическом дискурсе двойная референция к различным мирам носит замаскированный характер, а ее экспликация может привести к оценке высказывания как ложного.

Спецификой и сущностной характеристикой ПД будет особая форма проявления указанной двусмысленности. Хорошо известно по роману Оруэлла явление двоемыслия (doublethink)¹ есть несколько специфический, но вполне естественный и показательный тип развития этой характеристики. Причина очевидна – происходят изменения во внетекстуальной реальности. Она не может быть полностью проигнорирована, но вместе с тем должна быть определенным образом нейтрализована (текстуализирована) в соответствии с установками партии. Двоемыслие оказывается оптимальным решением. Семантический критерий истинности – отношение между высказыванием и действительностью – заменяется соотношением между собой различных интерпретаций высказывания и становится внутритекстовой операцией. «Действительность» из внешней по отношению к высказыванию области референции становится его текстуально задаваемым уровнем интерпретации, внетекстовая семантика оказывается загнанной внутрь текста и потому не может существовать вне текста.

Двоемыслие есть не только интернализация, внутренняя интерпретация внешней референции. Она предполагает также и механизмы множественной интерпретации. Правители Океании доводят до предела и тем самым эксплицируют особенности ПД. Двоемыслие есть последовательное продолжение (или утрированное отражение) характерной для ПД замаскированной двойной референции. Возникает ситуация, когда имеющее место состояние дел не вербализуется и его описание отсутствует. Это состояние дел оказывается выраженным лишь опосредованно – либо через пресуппозиции, либо как дополнительная по отношению к основной коннотативная система (например, «Эзопов язык»). Незнаковая действительность (мир) заменяется, но не на денотативную, первичную моделирующую систему, в которой возможно соотношение между знаком и незнаковым объектом и, соответственно, определение истинностного значения, а на коннотативные, моделирующие системы второго порядка, т.е. образы образа, знаки знака. Происходит вытеснение действительности: поскольку первый уро-

¹ «Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить... отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь» [Оруэлл, 2005, гл. 9].

вень обозначения отсутствует, то семантизация начинается сразу со второго уровня коннотации / интерпретации, когда в качестве означаемого могут выступать исключительно семиотические объекты (знаки, у которых и означаемое, и означающее также являются знаками). Коннотация если и не вытесняет полностью денотацию, то оставляет ее «на шаг сзади» (используя характеристику Оруэлла). Очевидно, что повышение ранга интерпретации, усложняя систему, делает все более многоступенчатым и условным процесс референции, и как результат – все более условной становится и область значений («действительность»). В таком контексте даже истинное высказывание соотносится не с самой действительностью, а с различными контекстами интерпретации, и поэтому оно само оказывается проявлением двоемыслия (подробнее см.: [Золян, 2015]).

В случае двоемыслия вымысел замещает реальность, но в то же время не отменяет ее (как было бы в случае тривиальной лжи). Понятие двоемыслия существенно дополняет мысль Оруэлла о политическом языке как инструменте лжи и дезинформации. Его особенность заключается скорее в двойной референции высказывания, причем как минимум одна из областей референции является конструируемой, что при злоупотреблении этой особенностью приводит к сознательному искажению действительности. Это, видимо, сознавал и сам Оруэлл. Так, в «Заметках о национализме» (1945) он, несколько отвлекаясь от основной темы, так раскрывает характер соответствия / несоответствия между действительностью («историей») и ее описанием:

«Если рассматривать, например, все искусные подтасовки, с помощью которых пытались показать, что Троцкий не играл заметной роли в гражданской войне в России, то трудно отделаться от впечатления, что люди, ответственные за это, просто-напросто лгут. Скорее всего, они верят, будто их версия и есть именно то, что происходило пред лицом Господним, и что, следовательно, подобное переписывание истории вполне оправданно» [Оруэлл, 2003 b].

В терминах семантики возможных миров речь идет о том, что истинностная оценка высказывания не ограничивается лишь референцией к тому, что происходило, но претендует быть описанием того, «что происходило пред лицом Господним», т.е. «высшей истинностью». Это другой, помимо упомянутых институциональных, предельный случай: миры также создаются ПД, но в этом случае семантические критерии не выступают как социально при-

нятые конвенции, а являют «высшие истины», зафиксированные в некоторой идеологической системе. Примечательно, что сам набор миров (их парадигма, или, в терминах модальной логики, модельная структура) не меняется. Так, в том мире, где Троцкий – герой гражданской войны, как нереализованная возможность существуют и те миры, где он предатель, пассивный наблюдатель и т.п. Меняются не столько миры (области референции), сколько оценка: какой из них истинный; какой существовал в действительности или сфальсифицирован; или даже какой должен был существовать. Тот, кто переписывает историю, тем самым исправляет допущенную ошибку, заменяя один модальный контекст на другой, – существовавший, но недолжный мир заменяется на мир, хоть и не существовавший, но долженствующий быть – пусть даже в прошлом. Уместно вспомнить «книжную» версию семантики возможных миров Плантинги: «Любой возможный мир обладает собственной книгой. Всякое максимально возможное множество пропозиций есть книга о некотором мире». При этом при переходе от одного мира к другому множество книг (библиотека) не изменяется – «изменяется ответ на вопрос – какая из книг содержит лишь истинные пропозиции» [Plantinga, 1972, p. 46–47].

Как видим, «двоемыслие», «институциональная реальность», «высшие истины» и т.п. есть некоторые предельные, потому и столь заметные случаи проявления характерной для ПД двусмысленности, или двойной референции, проистекающей из совмещения в одной и той же конструкции дескриптивной и прескриптивной семантики [Лассвелл, 2006, с. 273–274]. Можно, вслед за Роланом Бартом, добавить оценочную семантику, как и ряд других модальностей. Определяющим будет то, что все эти семантики носят неявный характер, поскольку маскировка под дескриптивный (референтный) дискурс есть обязательное условие эффективности политического дискурса, где «задача письма состоит в том, чтобы в один прием соединить реальность фактов с идеальностью целей... Вот почему всякая власть, или хотя бы видимость власти, всегда вырабатывает аксиологическое письмо, где дистанция, обычно отделяющая факт от его значимости – ценности, уничтожается в пределах самого слова, которое одновременно становится и средством констатации факта, и его оценкой» [Барт, 1983, с. 315]. Дискурс, данный как описание «мира-как-он-есть», предполагает скрытую установку на контекст «мир-каким-он-должен-

быть», и поэтому его адекватная интерпретация предполагает в качестве области референции как минимум оба мира (оговариваем – как минимум, поскольку явно или неявно в дискурс вовлекаются и другие интенциональные миры – миры дискурсов, которые отвергаются как недолжные, ложные, «нереальные», и напротив, миры, принимаемые как эталонные, и т.п.). Язык в ПД оказывается исключительно модальным и интенциональным – любое высказывание (пропозиция) выражает отношения долженствования, желательности, возможности и т.д. и может быть интерпретировано только в интенциональных и тем самым референтно непрозрачных контекстах (т.е. высказывания интерпретируются не применительно к самой ситуации, а опосредованно – через пропозициональные установки, контексты веры, мнения и т.п.). Как область референции (интерпретации) задается не один мир, а их система – отражающиеся друг в друге и искажающие друг друга зеркала, и описанием такой реальности оказывается не одно из них, а именно их совокупность, вышеописанная модельная структура.

Список литературы

- Аристотель. Об искусстве поэзии. – М.: ГИХЛ, 1957. – 181 с.
- Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 306–349.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Наука, 1958. – 133 с.
- Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2002. – № 3. – С. 32–43.
- Золян С.Т. Описание регионального конфликта как методологическая проблема // Полис. Политические исследования. – М., 1994. – № 2. – С. 131–142.
- Золян С.Т. Проблема и конфликт: Опыт логико-семантического анализа // Полис. Политические исследования. – М., 1996. – № 4. – С. 95–105.
- Золян С.Т. Языковые функции: возможные расширения модели Р. Якобсона. // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. – М.: РГГУ, 1999. – С. 638–648.
- Золян С.Т. Язык и дискурс // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, Изд-во «Лингва», 2009. – С. 13–23.
- Золян С.Т. Логика предпочтений и решение конфликтов (на примере Карабахского конфликта) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – Вып. 3. – С. 39–67.
- Золян С.Т. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура // Критика и семиотика. – М.; Новосибирск, 2013 а. – Вып. 1/18. – С. 18–44.

- Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. – Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – М.: URSS, 2013 б. – 331 с.
- Золян С.Т. О семантике двоемыслия // Могут ли тексты лгать? – К проблеме работы с недостоверными источниками: Материалы Четвертых Лотмановских дней в Таллинском университете. Acta Universitatis Tallinnensis. – Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2014. – С. 261–295.
- Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2002. – № 3. – С. 7–19.
- Крикке С. Семантический анализ модальной логики. I // Роберт Фейс, Модальная логика. – М.: Наука, 1974. – С. 253–303.
- Кузнецов С. 1994: юбилей неслучившегося года. К десятилетию «года Оруэлла» // Иностранная литература. – М., 1994. – № 11. – С. 237–244.
- Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. – Екатеринбург 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.
- Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полное собр. соч. – Т. 29. – М.: Изд-во политической литературы, 1969. – 782 с.
- Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Оруэлл Дж. Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. – М.: Изд. «Московская школа политических исследований», 2003 а. – С. 341–356.
- Оруэлл Дж. Заметки о национализме // Оруэлл Дж. Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. – М.: Изд. «Московская школа политических исследований», 2003 б. – С. 301–325.
- Оруэлл Дж. 1984 / Пер. В. Голышева. – М.: Азбука-Классика, 2005. – 320 с.
- Платон. Государство: Собр. соч. в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
- Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – С. 170–194.
- Сталин И. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания. – М.: Правда, 1950. – 40 с.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.
- Chomsky N. Rogue states draw the usual line: Noam Chomsky interviewed by Christopher Gunness // Agenda. – 2001. – May. – Mode of access: <https://chomsky.info/200105/> / (Дата посещения: 15.06.2016.)
- Cresswell M.J. Semantic competence // Meaning and translation: Philosophical and linguistic and linguistic approaches. – Duckworth, L., 1978. – P. 9–28.
- Edelman M. Political language and political reality // PS: Political science & politics. – Washington, D.C., 1985. – N 18. – P. 10–19.
- Dijk T.A. van. Formal semantics of metaphorical discourse // Poetics. – Mouton, 1975. – Vol. 4, N 2/3. – P. 173–198.
- Dijk T.A. van. What is political discourse analysis? // Political linguistics / J. Blommaert, C. Bulcaen (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 11–52.
- Fairclough N., Fairclough I. Textual analysis // Routledge handbook of interpretive political studies / Bevir M. & Rhodes R.A. (eds.). – L.: Routledge. – P. 186–198.
- Lewis D. Possible worlds // The possible and the actual / Loux M.J. (ed.). – Ithaca; L.: Cornell UP, 1979. – P. 182–189.

- Plantinga A.* The nature of necessity. – Oxford: Clarendon press, 1972. – 272 p.
- Lewis D.* Index, content and context // Philosophy and grammar: Papers on the occasion of the quicentennial of Uppsala university / S. Kanger and S. Ohman (eds.). – Dordrecht: Springer Netherlands, 1980. – P. 79–100.
- Lotman M.* Towards the semiotics of (in)sincerity // Recherches sémiotiques. – Toronto, 2016. – In print.
- Popper K.* The poverty of historicism. – L.; N.Y.: Routledge. 2002. – xiii, 156 p.
- Saussure L. de.* Manipulation and cognitive pragmatics: Preliminary hypotheses // Manipulation and ideologies in the twentieth century: Discourse, language, mind / de Saussure L. & P. Schulz (eds.). – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 2005. – P. 113–146.
- Searle J.* The construction of social reality. – N.Y.: Free Press, 1995. – 256 p.
- Tarski A.* The semantic conception of truth and the foundations of semantics // Philosophy and phenomenological research. – Buffalo, N.Y., 1944. – Vol. 4. – P. 341–376.
- Wilson J.* Political discourse // The handbook of discourse analysis (Blackwell handbooks in linguistics) / Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. (eds.). – Malden, Oxford: Blackwell, 2001. – P. 398–415.
- Wittgenstein L.* Tractatus logico-philosophicus. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co; N.Y.: Harcourt, Brace Co., 1922. – 162 p.
- Wittgenstein L.* Philosophical investigations. – L.: Basil Blackwell. 1958. – 592 p.
- Zolyan S.* Language and political reality: George Orwell reconsidered // Sign system studies. – Tartu, 2015. – Vol. 43, N 1. – P. 131–149.